УДК 81.38 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-171-179

КУИМОВ Руслан Николаевич
Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск, Россия
professorburov@rambler.ru

Ruslan N. KUIMOV
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia
professorburov@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СТРУКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА АВТОРСКОГО ИДИОСТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В.В. ОРЛОВА)

В статье представлен оригинальный авторский взгляд на проблему структурации идиостилевого пространства художественно-литературного текста. Утверждается, что на современном этапе развития языкознания особенно актуальным является изучение не просто антропоцентрических, но в первую очередь антропогенных моментов индивидуальной языковой картины мира, которые, собственно, и связаны с деятельностью языковой личности автора. В отечественной лингвостилистике заложены фундаментальные традиции исследования авторского идиостиля как важнейшей ипостаси эстетического проявления той загадочной славянской души, которая нашла воплощение в блестящих художественно-литературных текстах, когда на первый план выступает имманентное начало организации текстового пространства. Поиски структурных критериев воплощения авторской индивидуальности в тексте (и, соответственно, языковой идентичности, что заметно влияет на позитивное сдерживание тенденций к деструкции русского литературного языка) приводят к обращению к авторским особенностям построения традиционных форм организации речевой ткани художественного дискурса – в частности таким, как абзацное построение, соотносимое с диктемным образованием. Их анализ вполне обоснованно осуществляется в тексте выдающегося современного русского писателя В.В. Орлова на основе принципов и методик номинационно-синтаксического анализа, что позволяет подходить к структурации текста и, соответственно, идиостилевой его организации в аспекте членения на текстовые отрезки различной синтаксической протяженности, репрезентирующие субъективно вычленяемые фрагменты картины мира.

Ключевые слова: литературный текст, художественный дискурс, индивидуальная языковая личность, авторский идиостиль, эмоционально-оценочный план, абзац, диктема, метатекстовая характеристика, номинационно-синтаксический семиозис.

QUESTION OF SPECIFIC STRUCTURAL SPACE OF AUTHOR`S IDIOSTYLE (ON THE BASIS OF VLADIMIR ORLOV'S PROSE)

The article presents the original author's view on the problem of structuration of individual style space of artistic and literary text. At the present stage of development of linguistics particularly relevant not only is the study of anthropocentric, but first of all anthropogenetic things of personal language picture of the world that, in fact, related to the activities of the language personality of the author. In domestic linguistic stylistics laid the fundamental traditions of the study as the most important copyright individual style incarnation of aesthetic manifestation of the mysterious Slavic soul, which is embodied in the brilliant artistic and literary texts, as in the foreground immanent beginning of the organization of the text space/ The search for the structural criteria of realization of the author's personality in the text (and, consequently, language identity, which significantly affect the positive restraining tendencies to destruction of the Russian literary language) lead to treatment to the author specially constructed traditional forms of organization of speech tissue literary discourse - in particular, such as paragraph building, correlated with education as dictem. Their analysis is rightly made in the text of the outstanding contemporary Russian writer Vladimir Orlov based on the principles and the nomination-syntactic techniques that allow to approach the structuration of the text and, accordingly, organization of individual style in the aspect of division into text segments with different syntactic extension, represent isolate fragments of subjective picture of the world.

Keywords: literary text, literary discourse, linguistic identity of individual, author idiostyle, emotional and evaluation aspects, paragraph dictem, metatext characteristic of nomination-syntactic semiosis

Цель статьи – рассмотреть некоторые особенности идиостиля русского писателя 2-й половины XX – начала XXI в. В.В. Орлова и тем самым частично восполнить очевидный пробел в отечественной лингвостилистике художественного текста. С одной стороны, язык и стиль автора «Останкинских историй» [1] пока еще, за редким исключением [2], являются областью *tabula rasa* в филологии, а с другой – вопрос о структурации идиостилевого пространства текста В.В. Орлова, равно как и художественного дискурса вообще, фактически еще не ставился.

Используя данные комплексного лингвостилистического анализа художественного текста [см., напр.: 3; 4; 5 и др.], а также опираясь на приемы номинационно-синтаксической интерпретации текстового материала [6; 7; 8 и др.], мы предлагаем рассматривать идиостилевое пространство текста В.В. Орлова в семиотической системе координат с учетом корреляции «текст– метатекст» и той индивидуально-авторской языковой картины мира, которая запечатлена в художественном мировосприятии авторской индивидуальности [7].

В соответствии с традицией, идущей из середины прошлого века и связанной в первую очередь с исследованиями В.В. Виноградова, языковое мастерство художника слова, его индивидуальную манеру письма принято считать стилем писателя, индивидуально-авторским стилем, идиостилем. В своих трудах, посвященных проблемам изучения языка художественной

литературы, В.В. Виноградов неоднократно обращался к феномену художественной речи, к тому, что составляет сущность и диалектику понятий «язык» и «стиль» литературного произведения, являющегося сложной словесно-художественной структурой, которая создана сочетанием языкового и внеязыковых планов. К последним относятся планы тематический, идейный и композиционный, чья целостная организация образует так называемый литературный стиль, в рамках которого функционирует стиль языковой. Таким образом, отношения языкового и внеязыковых планов выступают как отношения формы и содержания [9, с. 5-84].

По В.В. Виноградову, понятия «язык» и «стиль» следует дифференцировать, поскольку язык есть система форм, образующих текст, а стиль – это индивидуальная система изобразительно-выразительных средств. Язык же отдельного произведения, в силу относительной замкнутости языковой системы на конкретном историческом этапе, определяется языковым уровнем мастера слова. От того, как именно писатель воспользуется средствами языка, будет зависеть и неповторимость его стиля. Поэтому перед исследователем индивидуального стиля того или иного автора стоит задача по возможности системно и полноценно проанализировать литературный и языковой планы его произведений.

Идеи В.В. Виноградова нашли свое отражение в многочисленных исследованиях по лингвостилистике, лингвопоэтике, риторике, филологическому анализу текста [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16 и др.], где формулируются принципы, позволяющие вскрыть все пласты литературно-художественного целого: от звуковой организации и лексико-семантической насыщенности «речевой ткани» произведения до своеобразия композиции, выражения идейного содержания, когда в тексте отражается историческая эпоха, в которую творил поэт или прозаик, его социальная среда, культурный уровень, принадлежность к определенной литературной школе, направлению, наконец – литературная индивидуальность авторской личности.

Сегодня идиостиль получил достаточно много определений и характеристик [см.: 16; 17; 18; 19; 20]. Так, С.Т. Золян понимает под ним систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, с чьей помощью воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения становится очевидным [18, с. 8]. Как видим, о собственно структурации подобной системы характеристик здесь речь не идет.

Сложность решения такой задачи связана, прежде всего, с недостаточной разработанностью в современной филологии техники такого всестороннего и глубокого анализа художественного текста, который синтезировал бы литературоведческий и лингвистический (лингвопоэтический, лингвостилистический, риторический и т.д.) подходы к тексту как литературно-художественному целому.

Подход к идиостилю как к системе содержательных и формальных лингвистических характеристик, которые присущи тексту определенного автора, делает уникальным воплощенный в его произведениях индивидуальный способ языкового выражения. Сошлемся на определение идиостиля, данное М.П. Котюровой: «Совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [19, с. 95]. Соответственно, признаками художественного идиостиля считаются следующие: наличие автора как индивидуальной языковой личности, образность как основа творческого восприятия мира, субъективный подход к фрагментам мира, учитывающий данные исторического и социального опыта, доминирование эмоционально-оценочного плана, языковая компетентность на уровне игры и др.

Следовательно, под авторским идиостилем мы понимаем систему языковых средств и способов выражения индивидуальной картины мира в художественно-литературном тексте. Данная система репрезентируется в определенном веробальном пространстве, структурно воплощенном в тексте и выражающем индивидуальные особенности стиля автора как языковой личности [21; 22; 23; 24; 25 и др.].

Структура идиостиля рассматривается нами как дискретное пространство авторской репрезентации данной картины в текстовых единицах, в основном носящих диктемный характер. Вслед за М.Я. Блохом мы считаем, что диктема – это элементарная тематическая единица связной речи, формируемая одним или несколькими предложениями (например – абзац) [26, с. 56]. В художественном тексте диктемное пространство отражает индивидуальный почерк автора, определяющего его структурацию.

Наибольший интерес в плане лингвостилистической структурации идиостиля авторской индивидуальности, естественно, представляет известная модель, разработанная Ю.Н. Карауловым. По мнению этого ученого, «структура языковой личности складывается из трех уровней – вербально-грамматического, когнитивного и прагматического. Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц...» [27, с. 672]. Понятно, что собственно языковое структурирование при этом связано прежде всего с первым (нулевым) уровнем названной модели – вербальным. Вместе с тем, что следует из принципа целостности анализа любого объекта лингвистического описания, собственно языковой план выражения не может быть полностью применим к характеристике такого сложного и многогранного явления, как языковая личность. Авторская индивидуальность раскрывается не менее ярко как на когнитивном уровне, связанном с содержательным планом текста, так и на функционально-прагматическом уровне, где языковая личность способна выразить наиболее яркие и характерные признаки своей индивидуальности. В наши задачи входит анализ преимущественно первого уровня личностной организации автора «Останкинских историй».

Мы считаем, что применительно к идиостилю отдельно взятого художника слова (в нашем случае это В.В. Орлов) структурация художественного пространства связана с такой организацией текста, которая предполагает субъективное, личностно маркированное воплощение отдельных лингвостилистических признаков, присущих именно данной авторской личности [28]. Ее структура спроецирована в текст, создавая его формальную организацию и организуя в том числе членение на всех уровнях.

Сколь бы индивидуален и неповторим ни был автор художественного текста, независимо от этого его идиостиль вербален, то есть представлен в виде цепочки знаков, которые образуют ткань художественного произведения. Каждый из этих знаков занимает свое место, специфическое с точки зрения употребления в общем пространстве, внося определенный вклад в решение авторских задач коммуникации. В художественном тексте эти задачи носят по преимуществу эстетический характер, то есть их решение связано с созданием образности, воплощающей художественно-изобразительные интенции автора.

Авторский идиостиль всегда индивидуален, что связано с личностным восприятием мира и формированием своей собственной языковой картины. У каждого автора – свой неповторимый идиостиль, в основе которого лежит создаваемый воображением мир, присущий только данному автору. К.Э. Штайн справедливо указывает, что это относительно закрытое и в то же время открытое для взаимодействия с другими мирами ментальное пространство, объективно существующее и развивающееся во времени [29, с. 672]. Именно индивидуальность автора формирует идиостилевую картину мира, в которой диалектически соединяются общепринятые художественные категории, имеющие объективный характер и их субъективно-авторская интерпретация. По сути дела, речь идет о диалоге между текстом и метатекстом.

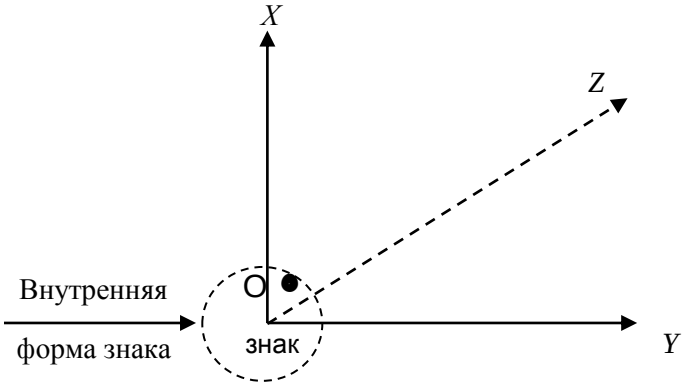
Текст и метатекст – это две стороны одного и того же художественно-литературного пространства, и распределение ролей между ними весьма условно [30, с. 171]. Вместе с тем голос автора как языковой личности неизбежно ощущается при употреблении особых языковых средств, характеризующих манеру повествования именно данного художника слова. При внешнем совпадении структуры этих средств, языковых моделей, которые лежат в их основе, они индивидуально-стилистически маркированы.

Рассмотрим некоторые из этих метатекстовых средств структурации пространства авторского идиостиля.

Структура идиостиля рассматривается нами как дискретное пространство авторской репрезентации данной картины в единицах, в основном носящих диктемный характер. Вслед за М.Я. Блохом видя в диктеме элементарную тематическую единицу связной речи, формируемую одним или несколькими предложениями и совпадающую, как правило, с абзацем [26], мы считаем, что именно выделение абзаца, как правило, совпадающего со сложным синтаксическим целым, может стать основной точкой отсчета в структурировании не только связного текста, но и авторского идиостиля.

Известно, что одинаковые по модели авторские языковые средства выполняют различные функции у разных художников слова. В рассматриваемом случае структура пространства идиостиля автора представляет собой локус, сконцентрированный в какой-то одной текстовой точке, в пространстве одной или нескольких фраз. Здесь речь идет о «точечной структурации» пространства идиостиля. Однако это пространство может носить и линейный характер. Это значит, что признаки

структуры идиостиля в известном смысле совпадают со структурой текста, во всяком случае – спроецированы в нее. Отсюда следует, что пространственная структурация может измеряться векторами вертикали, горизонтали и глубины авторского идиостиля как развернутого знака, если говорить о его структурной модели. При этом «тело знака» элемента структуры формируется непосредственно самим автором в тексте как такой минимальный его отрезок, который позволяет воплотить «квант» авторского сообщения в относительно целостном структурном образовании, обладающем и своей внутренней формой.

Точка О, лежащая у истоков данной структуры, одновременно выступает и точкой локализации структурного измерения, о котором идет речь. «Точечная локализация» структуры идиостиля предполагает возможность раскрытия его «внутренней формы», за которой стоит внутренний мир самой языковой личности автора. В принципе, достаточно бывает одного синтаксического построения, употребляющегося в данной точке измерения, чтобы составить представление об основаниях личностного идиостиля. В данной конфигурации будут представлены и слова автора, и способы синтаксической связи слов и их порядка в тексте, и их риторическая (стилистическая) организация – компоненты, которые могут быть использованы при составлении своеобразного микроавтопортрета художника слова.

Что касается пространственной структуры, то мы предполагаем, что позицию в точке О на схеме занимает текст, минимальная единица текста – диктема как метатекстовая проекция, выраженная сложным синтаксическим целым, или абзацем.

В тексте В.В. Орлова абзац имеет свои закономерности структурации, вполне адекватно отражающие идиостилевую манеру авторского повествования. В соответствии с предложенной схемой обозначим три вектора измерения пространства абзаца, отражающего специфику идиостиля автора: а) горизонтальный вектор, характеризующий синтагматику текста; б) вертикальный вектор, с которым связаны все формы парадигматики отдельных слов, словосочетаний и предложений, образующих абзац; в) глубинный, или эпидигматический, вектор, фиксирующий характеристику функционально-прагматической специфики употребления абзацного построения.

Рассмотрим пример из текста романа «Альтист Данилов»:

«Он <Данилов> сел в троллейбус. Поехал в театр. Все думал о заботах приемщицы и, возможно, потерянных без возврата брюках. После Крестовского моста он задремал. А когда разлепил веки, ушли и досада на пункт химчистки, и мысли о колебаниях и люстре, наступило спокойствие. Данилов чувствовал, что есть этот троллейбус, бегущий по Москве, и есть он, Данилов, и есть Наташа, и есть его инструмент, и есть его пульт в яме, многого же не было и нет, оно лишь, возможно, возникало в его фантазиях… Именно в фантазиях…»

Представим себе, что данный текст, соответствующий по структуре сложному синтаксическому целому, или абзацу, находится в точке О на схеме, которая является моделью пространства идиостиля автора. В таком случае его горизонтальный вектор (ось Y) представляет собой синтаксическую цепь, включающую семь синтаксических единиц определенной структуры, характеризующейся особенностями реализации своих моделей. Вертикаль данного абзаца образуется совокупностью парадигм, входящих в него лексических и синтаксических отрезков. Их реализация в определенных формах проецируется на ось Z, которая фиксирует употребление и определяет формирование самого текста и раскрытие его смыслов.

В нашем примере спецификой авторского употребления является использование неполных конструкций (в ряде случаев парцеллированного типа), когда субъектный элемент в кон-

струкции устранен автором и на первый план выступают признаки субъекта, репрезентирующие его посредством его же действий, признаков и характеристик.

Мы предполагаем, что одной из специфических черт структуры авторского идиостиля В.В. Орлова является особая структурация абзаца. В традиционном определении абзаца нет указания на его структурную организацию (в отличие, например, от периода). Так, для А.М. Пешковского абзац – это интонационно-синтаксическая единица; у Л.М. Лосевой и М.П. Сенкевич абзац выступает семантико-стилистической категорией; для А.Г. Руднева это синтаксическая единица, что вызывает сомнения у многих синтаксистов [31, с. 26].

Несмотря на неясность своей природы, абзац как единица текста является очевидным элементом структурирования связного текста. В тексте В.В. Орлова абзац, на наш взгляд, характеризуется своеобразной структурацией: он строится автором по принципу «раскрывающейся пружины». От начала к концу абзаца в тексте В.В. Орлова постепенно, шаг за шагом, наблюдается активизация употребления признаков, характеризующих микротему всего отрезка или главное действующие лицо контекста. Автор постепенно создает своеобразное нарастание напряженности и делает разрядку в конце абзацного построения. Так, в нашем примере подобной кульминацией является употребление целого ряда однородных членов – пяти подлежащих, называющих все то главное, что есть в жизни героя и чье бытие утверждается глаголом «есть»: *«есть этот троллейбус, бегущий по Москве, и есть он, Данилов, и есть Наташа, и есть его инструмент, и есть его пульт в яме…».* Дальше действие идет на спад и появляется то, чего «нет». Однако данная антитеза является своего рода предположением, что все, о чем шла речь в романе, могло быть плодом авторской фантазии. Чередование простых синтаксических построений сменяется их усложнением и завершается эффектной абзацной концовкой.

Если предположить, что подобная структурация абзаца говорит о проявлении свойств модели, схемы, инварианта, то это можно считать одним из ярких признаков структуры идиостиля, характеризующих индивидуальную авторскую манеру повествования.

Кроме абзаца на метатекстовом уровне структурации текста активно проявляют себя и другие речевые образования, в частности – парентезы. Их употребление в качестве вставных конструкций весьма индивидуально и специфично для каждого автора. Сравним, к примеру, рассматриваемый нами текст В.В. Орлова с текстом В.В. Набокова.

1) *Виделись мне люди близкие и неприятные мне люди, виделись друзья, какие есть и каких уже нет, виделись мимолетные знакомые. Виделись звери, цветы, деревья* ***(лябры, отчего-то я подумал тогда – с чего вдруг? почему? Лябрами называли деревья мастера шпалерной мануфактуры в Петербурге в восемнадцатом веке, я читал об этом, потом забыл и вот вспомнил)…*** *Чего только не увидел и не почувствовал я. И испытал я тогда некое просветление* (Орлов. Аптекарь).

2) *Я через пять минуточек вернусь, Цинциннатик.* ***(Пока она отсутствовала, он думал о том, что не только еще не приступил к неотложному, важному разговору с ней, но что не мог теперь даже выразить это важное... Вместе с тем у него ныло сердце, и все то же воспоминание скулило в уголку, – а пора, пора было от всей этой тоски поотвыкнуть.)*** *Она вернулась...* (Набоков. Приглашение на казнь).

В набоковском тексте парентеза используется в противовес высказыванию, содержащемуся в основном предложении, темой которого являются внешние события, констатируемые автором-говорящим. Она выражает вторичный план повествования. Параллелизм двух планов способствует не только синхронности изображения, но и формирует некоторую изобразительную сценичность, его пространственную динамику, когда есть как основная сцена, так и мизансцены – вторичные события для развития основного действия, но оказывающиеся важными, иногда – первичными в плане метатекстового раскрытия авторского замысла.

В.В. Орлов же употребляет в тексте значительную по объему парентезу прежде всего с целью выразить внезапно возникшую в сознании героя ассоциацию, когда приходят на ум необычное название известного денотата. Подобные спонтанные ассоциации характерны для ярких индивидуальностей и их нестандартного внутреннего мира. В данном примере парентеза представляет собою текстовый фрагмент, который употребляется на метатекстовом уровне, когда автор подключает свой собственный голос к основному сообщению и одновременно вступает в своеобразный внутренний полилог – и с читателем, и с самим собою, и, потенциально, с героем, от лица которого ведется рассказ.

Мы видим, что одинаковые по модели авторские речевые средства выполняют различные метатекстовые функции у разных художников слова

Не менее яркими свойствами, характеризующими авторскую индивидуальность В.В. Орлова, чем парентезы, выступают и другие структурные средства текста, в частности – фразовая номинация.

Фразовые наименования, которые формируются на основе синтаксических отрезков сложноподчиненных предложений местоименно- соотносительного типа, представляют собой также пространственное образование. Они способны не только описательно обозначать предметы и явления окружающей действительности, но и включать данное описательное обозначение в текст, придавая динамический характер предметам и явлениям, о которых там идет речь. Сравните: *Дело Шеврикука затевал частное. Малоприятно Иллариону и то, что Гликерия действовала с расчетом, неторопливо вовлекая Шеврикуку в свою игру, возбуждая в нем воинственно-рыцарское состояние и жалость к страдалице и узнице.* («Шеврикука, или Любовь к привидению»). В данном случае, благодаря фразово-номинационному расширению обозначения действия персонажа – Гликерии, за счет пространственного представления признаков обозначаемых персонажей формируется особый идиостилевой план, в котором непосредственное участие принимает автор повествования. За счет текстовых признаков – как главных, так и второстепенных – в тексте проявляет себя сложная ситуация, которая позволяет увидеть обозначаемые предметы в динамике, в их непосредственном участии в событиях. Употребление фразовых наименований – прерогатива индивидуального стиля художника, к которому относится и В.В. Орлов. Этому писателю свойственно аналитическое представление денотатов, то есть их изображение в расчлененной, описательной форме.

Следовательно, представляет определенный интерес анализ тех языковых моментов, которые показательны для речевой индивидуальности рассматриваемого нами писателя. Можно предположить, что для В.В. Орлова характерен синтез детализации и обобщения как эстетический подход к языковой картине мира в целом и к ее фрагментам в отдельности.

Авторская индивидуальность, проявляющаяся в прозе В.В. Орлова, показательна не только выбором фантастических и мистических тем и постановкой в их пространстве проблем, связанных с судьбой неординарного человека в мире – будь то область искусства («Альтист Данилов»), сфера фармацеи («Аптекарь») или внутренний мир непохожего на других человека («Шеврикука, или Любовь к привидению»), но и в первую очередь языковой формой организации текста. Здесь перед автором стоит задача привести в художественное действие основу статической картины мира – ее словарь, переведя номинацию отдельных отрезков действительности в общую динамическую панораму развивающихся событий, когда привычные денотаты проявляют себя в новом для них качестве, так как воспринимаются в необычном ракурсе обозначения.

Действительно, рассмотрим контекст: *Хотя и было глупо, стыдно даже, с альтом в руке стоять в фойе, однако Данилов стоял, пока не пришли его знакомые. Всего человек сорок. Почти все, кто был в последний раз у Муравлевых. И иные. Конечно, пришла Наташа с Екатериной Ивановной, Данилов был в волнении, он не знал, как представлять Наташу приятелям* («Альтист Данилов»). Здесь автор, чтобы выразить внутреннее состояние своего героя (Данилов перед концертом испытывает волнение в присутствии знакомых и близких), употребляет парцеллированные конструкции, сегментируя лично субъектные денотаты. Образуются позиционные синтаксические наименования, актуализирующие значимых для героя людей. В том числе употребляется и фразовая номинация (*Почти все, кто был в последний раз у Муравлевых*), обладающая особой экспрессивной значимостью и содержащая намеренное авторское напоминание об одной из интимных и близких герою деталей его жизни – это знаменитые обеды у его друзей Муравлевых, с описания одного из которых вообще начинается текст романа, и мы пока еще даже не знаем, что герой не обычный человек с гедонистическими наклонностями (в данном случае – вкусно поесть), а демон «на договоре». Автор с самого начала дает нам понять, что Данилову «ничто человеческое не чуждо», – более того, его происхождение от земной женщины в конечном счете одержит верх над демонической наследственностью.

Поэтому структурное пространство идиостиля во многом обусловлено двумя уровнями репрезентации языковой картины мира – статическим и динамическим [32]. Статический уровень представлен «лексико-фразеологическим сообществом», зафиксированным в словаре языка [33, с. 79], тогда как динамический – синтагматикой, которая и формирует своеобразный словарь текста [34, с. 322 и след.]. Соответственно, в структуре идиостиля автора мы будем выделять метаречевые средства, которые осуществляют связь между этими двумя уровнями (диктема, парентеза, фразовая номинация и под.). Их выделение осуществляется с учетом

номинационно-синтаксического семиозиса единиц динамического словаря текста. Все эти и другие разновидности синтаксических наименований показательны тем, что их фактура создается прямо в тексте. Они формируются как результат задействования единиц синтаксиса в целях обозначения различных по степени сложности денотатов, денотативных состояний и целых ситуаций, которые только благодаря тексту получают авторскую репрезентацию именно в том ракурсе, который представляется писателю наиболее адекватным и позволяющим воплотить его образное видение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Орлов В.В. Останкинские истории. – М.: Астрель. АСТ, 2011. – 1 502 с.
2. Буров А.А. Заметки об идиостиле современного русского писателя В.В. Орлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 3. – С. 188-194.
3. Максимов Л.Ю. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Просвещение, 1992. – 198 с.
4. Данилевская Н.В Лингвостилистический анализ художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 195-204.
5. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2009. – 560 с.
6. Буров А.А. Номинационно-синтаксический семиозис в современном русскоязычном дискурсе: новая реальность словаря // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2001. – № 4. – С. 5-9.
7. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. – 319 с.
8. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012. – 400 с.
9. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 5-84.
10. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 445 с.
11. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
12. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
13. Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира. – Симферополь, 2006. – 284 с.
14. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
15. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
16. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля / под ред. В. Хлебникова. – М., 1983. – 105 с.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
18. Золян С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX в.: сб. научных трудов. – М., 1989. – 91 с.
19. Котюрова М.П. Идиостиль// Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 95-99.
20. Индивидуальный стиль или идиостиль. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iterviam.ru/gum-nauk/stilistik/idiostil/. (Дата доступа: 27.03.14).
21. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 33 с.
22. Караулов Ю.Н. Указ. соч.
23. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 112-116.
24. Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул, Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 7-19.
25. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). Изд-е 2-ое, перераб. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – 305 с.
26. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56-67.
27. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-ое. – М.: Дрофа, 1997. – С. 671-672.
28. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира … – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. – 319 с.
29. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. – Ставрополь: СГУ, 2006. – 646 с.
30. Буров А.А., Кулага О.В. Метатекстовое начало пространства художественного текста (на материале прозы В.В. Набокова) // Вестник ЮФУ. Филологические науки. – 2012. – № 1. – С. 169-178.
31. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2003. – 416 с.
32. Чесноков П.В. О двух картинах мира – статической и динамической // Известия СКНЦ ВШ, Общественные науки. – Ростов-н/Д, 1989. – № 3. – С. 63-69.
33. Шанский Н.М., Боброва Т.А. О национально маркированной номинации в русском языке // Русский язык в школе. – 1997. – № 6. – С. 79-83.
34. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке...

REFERENCES

1. Orlov V. Stories of Ostankino. Moscow:Astrel. AST, 2011. 1502 p.
2. Burov A.A. Notes on idiostyle of modern Russian writer Vladimir Orlov. Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2015. № 3. Pp. 188-194.
3. Maksimov L.Yu. Linguistic analysis of literary text. Moscow: Education, 1992. 198 p.
4. Danilevskaya N.V. Lingvostilystic`s analysis of literary text. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language. Ed. MN Kozhina. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. Pp. 195-204.
5. Lukin V.A. Artistic text. Fundamentals of linguistic theory. Analytical minimum. Moscow: "Axis-89", 2009. 560 p.
6. Burov A.A. Nomination-syntactic semiosis in the modern Russian language discourse: the new reality of the dictionary. Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2001. № 4. Pp. 5-9.
7. Burov A.A. The formation of the modern Russian language picture of the world (verbal nomination processes). Pyatigorsk: Publishing House of the Pyatigorsk State Linguistic University, 2008. 319 p.
8. Burov A.A. Substantive syntax nomination in the Russian language. Stavropol, Pyatigorsk: Publishing House of the SSU, 2012. 400 p.
9. Vinogradov V.V. On the language of literature. Moscow: Goslitizdat, 1959. P. 5-84.
10. Winokur G.O. On the language of fiction. Moscow: Higher School, 1991. 445 p.
11. Babenko L.G., Vasiliev I.E., Kazarin Yu.V. Linguistic analysis of literary text. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural Mountains. University Press, 2000. 534 p.
12. Nikolina N.A. Philological analysis of text:allowance for students. Moscow:Academy, 2003. 256 p.
13. Petrova L.A. Lingvokognitiv foundations of artistic picture of the world. Simferopol, 2006. 284 p.
14. Bolotnova N.S. Philological analysis of text: allowance. 4 ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 520 p.
15. Karasik V.I. Language keys. Moscow: Gnosis, 2009. 406 p.
16. Grigoriev V.P. Grammar idiostyle. ed. Khlebnikov. Moscow, 1983. 105 p.
17. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic identity. Ed. D.N. Shmelev.
18. Moscow: Nauka, 1987. 261 p. Zolyan S.T. From the description of the idiolect – to grammar idiostyle. Russian language poetry of the twentieth century: Sat scientific papers. M., 1989. 91 p.
19. Kotyurova M.P. Idiostyle. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language. Mocoscow: Flinta: Nauka, 2003. Pp. 95-99.
20. Individual style or idiostyle. Available at: http://www.iterviam.ru/gum-nauk/stilistik/idiostil/. (accessed: 27/03/14).
21. 21.Bogin G.I. Model language personality in its relation to the text species: Abstract. Dis. ... Dr. Philology. Sciences. Leningrad, 1984. 33 p.
22. Karaulov Yu.N. Ibid.
23. Neroznak V.P. Linguistic personology: to the definition discipline status. Language. Poetics. Transfer. Moscow: Moscow State Linguistic University, 1996. Pp. 112-116.
24. Golev N.D. Linguistic theoretical base of typology of the language person. Linguistic personology:linguistic personality types and personality-oriented education. Barnaul, Kemerovo State Pedagogical University, 2006. Pp. 7-19.
25. Burov A.A.The formation of the modern Russian language picture of the world (verbal nomination processes). Ed. 2nd, Revised. Pyatigorsk: Publishing House of the Pyatigorsk State Linguistic University, 2010. 305 p.
26. Bloch M.J. Diktema v urovnevoj strukture jazyka.[Dictem in the structure of language]. Questions of linguistics. 2000. № 4. Pp. 56-67.
27. Karaulov Yu.N. Linguistic personality. Russian language. Encyclopedia. Ed. 2nd. Moscow: Bustard, 1997. Pp. 671-672.
28. Burov AA The formation of the modern Russian language picture of the world (verbal nomination processes). Pyatigorsk: Publishing House of the Pyatigorsk State Linguistic University, 2008. 319 p.
29. Shtain K.E. The harmony of the poetic text: Warehouse. The cloths. Texture. Stavropol: SGU, 2006. 646 p.
30. Burov A.A., Kulaga O.V. Metatekstovoe nachalo prostranstva hudozhestvennogo teksta (na materiale prozy V.V. Nabokova). [Metatext beginning of the space of the art text (on a material of prose of V. Nabokov)]. Bulletin of SFU. Philology. 2012. № 1. Pp. 169-178.
31. Valgina N.S. Modern Russian language: Syntax: Textbook. 4th ed., Rev. Moscow: Higher School, 2003. 416 p.
32. Chesnokov P.V. O dvuh kartinah mira – staticheskoj i dinamicheskoj. [About two pictures of the world – the static and dynamic]. News SKSC HS, Social Sciences. Rostov-on-Don, 1989. № 3. Pp. 63-69.
33. Shanskiy N.M., Bobrova, T.A. On national nomination marked in Russian. Russian language at school. 1997. № 6. Pp. 79-83.
34. Burov A.A. Substantive syntax nomination in the Russian language. Stavropol, Pyatigorsk: Publishing House of the SSU, 2012. 400 p.

Информация об авторе

Куимов Руслан Николаевич, аспирант кафедры словесности и педагогических технологий Пятигорского государственного университета.
Пятигорск, Россия
professorburov@rambler.ru

Information about the author

Ruslan N. Kuimov Graduate Student of Literature and Teaching Technologies of Pyatigorsk State University.
Pyatigorsk, Russia
professorburov@rambler.ru

Получена: 11.09.2016

Для цитирования статьи: Куимов Р. Н. К вопросу о специфике структурного пространства авторского идиостиля (на материале прозы В.В. Орлова). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 1. с. 171-179.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-171-179.

Received: 11.09.2016

For article citation: Kuimov R.N. K voprosu o specifike strukturnogo prostranstva avtorskogo idiostilja (na materiale prozy V.V. Orlova). [Question of specific structural space of author`s idiostyle (on the basis of Vladimir Orlov's prose)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 5. Part. 1. Pp. 171-179.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-171-179. (in Russian)